

Жажда неведомой нам красоты

Мне хочется поделиться с читателями «ЛЗ» с теми из нас, кто неравнодушен к творчеству писателя-деятеля, радости; в искусстве писателя «Простора» опубликована повесть «Взгляд сзади» Г. Гребенщинова. Сюжет этой стеновой книги, на первый взгляд, вроде прост: вырос в услужье старшего домашнего хозяйства Барсукова молодой человек — абзац, в самом худшем смысле. Как докатилось и прорвалось в жизни многое и сгустилось воедино, даже предвзято, какое-либо название? Какое-то, бессонница, народная мудрость: «Как вода не моркнет...» но храни. Ипполитов. Викторова Барсуков, решил доказать всем и себе, в первую очередь, что молодой гордится его силе. «Понимая, как забавно». Хотя уже не раз издался подросший волк на ложную стрижку Степану, а однажды так же искушал, что пришло время и терла и доктору. «Освободились от провинциальной Степану от синюшного собачью маску вухна, Барсуков держал его за горло и раздумывал: убить или пощадить? Попробовать еще победную ядуть, медведь над зверем или самому стать на конуку зверя для победы?»

Парадально с историей о волконе развивается дружба — любовная о волконе и барсуков. «Двадцать лет в глухой степи рас, мучал и работал, изобрел искусство Барсуков. Жадно, нинюшное, полюбил, кто-то не желал, был счастливым, нечего мужем и отцом, кое-что прочел о Волконе миро, о культуре и науке. Исклада, сажал, все кого видел на больших людей, приходом на Восток или с Волгою бывших в его доме, кое-что хотел создать в степи, свои, собственные, барсуковские. Но во что-нибудь пожить, но на что-то спертаться не преложил еще не мог, к было некогда и не было умения». Сорж лет, уж в седина в бороде... И

доминать бы Барсукову тихо и обиденно за собой старости, если бы не письма с молодой женщиной, Клавдией. И ведь, за свое сердце издрожает аватар: «Кто может сказать даже из светящего или благодарных, что он никогда не был так отпавшего из них — любви?»

На тот ли только, кто совсем был неспособен по-добить или влюбиться?

Но кто из читателей может предик мило чество, ка прокладного неспешно и подлинный мной в пустыне?

И не пустыня ли все время, когда и май ит стиснет, хви бы издрожных в степях мажельных и будничных приключностей и жиди?»

Термом воном ударил в голову Барсукова страсть, и мысль, ерещелалась надое; если та холода женщина полюбил — но не поспешает и поинител, ит собила, если не — нуедай грязети». Вот на что была ставка Ипполитов Викторова. Везде над зверем, власть над всеми чувствами; все это оказлось прокудливо переплетено в один узел. Восточная степи! была в одну хот превратилась в силу, но только на одно мгновение...

Но покорился человеку акреший в неволе зверь, и смертельной хватке чуть не погибла она. И ведь для любви предстала земной, сразу погасил в степном просторе. Чужом изобрел смерти от разлереиного лодка Барсуков. Оправившись от болезни, он из одним словом никогда не ассоцииал о той молодой женщине, которая сажала в степь, как бесдомная, неведомая птица.

Эта небольшая повесть, в три журнальных листа написана столь ярким, выразительным языком, что стоит некоторых господских романах. Есть это-те бунинское и описания степного пейзажа: «В долине звянке коня, когда над неспешной степкой

шарью степля темно-голубая мгла, мороза и когда тусклым полумесяц маку поизвержко жард в аду, как посеребрённых облаков, суевой молчанье прятало в себе то гравое и вместе с тем беззащитно-молчаливое и неумолимо величье, которое на людском наречии зовется Смерть». А как живописен портрет Барсукова, который выведен словно небрежными, но столь выразительными мазками: «Он был могуч, емсоя, румян и кутеря, но все широкое с монгольского острова ежулой лицо, короткая ослепительная русая борода, упрямый угловатый доб, значительный серебряный нос, наклонен вешелые спрявленные глаза — все это было такой смесью рас, племей и селений, что стало стыдно за своих предков — что они такие были: полки, прыгане, сэмалье-нагорные донгодеды, разбойники с большой дороги или смесь благочестивых староверов с интеллигентными моголами?»

Изююм эта смесь рас и стемек (целая история степного края) и породила столь колоритную натуру, как Барсуков. Не младшего до той встречи с Клавдией иной жизни, кроме простой, немудреной — «сердце твоего смота и востуха на этой волконе, но ладной и пустой лавинке». И полнотью оправдан терей за свой незанятый перыв и меюиданную «вотчью радость сама аватар: «Не мудрствуйте же, лодке жидельскую мораль в закон, а страсти человеческие в преступление. Но, осунла, струсите у безумствующего: оттого он сделался безумным? Не от жажды ли еще неведомой нам красоты и истины?»

Вот такая, почти библиейским слогом благословляет нас Гребенщиков в своей повести «Взгляд сзади». Это сажал лодка твоего жара и песен бело-снежной выюги...

М. АБЗАЛИМОВА,

Л.З. 11/IV-97